

реальный факт — публичный диспут между Варлаамом Калабрийским и Никифором Григорой. Автором хорошо переданы чуткая реакция аудитории на перипетии спора, почтительное внимание, с которым ею встречались предложенные Никифором Григорой Варлааму вопросы по астрономии, грамматике и риторике, аристотелевским силлогизмам, единодушный хохот, сопровождавший неуклюжие ответы Варлаама, и, наконец, финал диспута, когда председательствующий (им был Иоанн Кантакузин, выведенный под именем Димарата) увенчивает победителя.

В сочинениях и письмах Феодора Метохита, Григория Акиндина, Михаила Гавры, Никифора Григоры, Димитрия Кидониса, Никифора Хумна, Иоанна Хортасмена, Мануила II Палеолога и др. можно найти массу интересных сведений об этих «театрах», свидетельствовавших о складывающемся новом стиле жизни византийских интеллектуалов — носителей ренессансных тенденций в поздневизантийской культуре. Само название — «театр» — объяснялось тем, что литературное действие понималось и протекало как театральное зрелище; нередко оно проводилось, судя по одному из писем Димитрия Кидониса, с участием певцов и музыкантов, которые сопровождали произнесение речей пением и музыкой (*Cydon. Congres. II. P. 170. Ep. 262.82—83*). Любопытно также отметить, что византийские авторы с большим юмором и иронией описывают свои литературно-философские сборища, уподобляя их оргиям куретов и корибантов, т. е. представителей древних экстатических культов Востока⁸. Все это характеризует византийские «театры» как несомненный аналог сходкам (*convegni, symposia*) итальянских гуманистов, а может быть, и прообраз тех «академий» с потешными и бурлескными самоназваниями («мокрые», «гневные», «темные», «бессмысленные», «бесстрастные», «юмористы», «праздные», «проснувшиеся» и др.), которые позднее не без участия греков распространились по всей Италии.

В письмах византийских ученых, в их философских и литературных трактатах ясно выражен гуманистический идеал человека-гражданина, основанный на интеллектуальной культуре, т. е. просвещенной, всесторонне образованной личности, наделенной именно той цивилизующей силой, которая необходима, чтобы преобразовать человека «естественного» (*ἄνθρωπος φυσικός*) в человека культурного (*ἄνθρωπος παιδευμένος*) и повести его к добродетели и блаженству⁹. Подобно итальянцу Альберти, считавшему, что «сущность *humanitas* состоит в том, чтобы сделать людей более образованными», византиец Метохит заявляет: «Дальнейшее совершенствование интеллекта есть самое главное для тех людей, которые ищут наслаждение в области образования и науки»¹⁰. Претерпела изменение сама традиционная византийская концепция истинной человеческой жизни как жизни созерцательной. Обосновывая необходимость вести также жизнь деятельную (*βίος πρακτικός* как параллель доктрине *vita activa et politica* итальянских гуманистов), некоторые византийские авторы вкладывают новое содержание в понятие *βίος θεωρητικός*. Так, у Феодора Метохита это уже отнюдь не *vita contemplativa* с ее мистическим созерцанием монашеского толка, но *vita intellectualis*, идеал жизни философа, погруженного в научно-теоретическое и философское познание действительности, а уединение метоховитовского монаха, наполненное размышлениями и научными занятиями, это не что иное, как *otium intellectuale, ozio alle lettere*, заполненный высокими занятиями отрадный и сладостный досуг, спокойствие кабинета и библиотеки, высший идеал жизни философа, излюбленный многими итальянскими гуманистами¹¹. Выделить умственный труд, занятие наукой в специфическую сферу деятельности — вот задача, которую ставят перед собой византийские авторы. В своем трактате «Этикос, или О воспитании» Феодор Метохит восхваляет красоту жизни {229} в науке, определяет умственный труд как высшую форму наслаждения — *ἡ δὸνῆ*, составляет даже кодекс жизни ученого, согласно которому (совсем как у итальянского гуманиста Верджерио) ученый во имя науки (но не во имя бога!) должен отказаться от мирских забот и от семейной жизни, ибо мещанская семейная жизнь с женой и детьми отвлекает ученого от поставленной цели; у ученого не должно быть зависти к своим

⁸ *Fatouros G. Die Briefe des Michael Gabras (ca. 1290 — nach 1350). Wien, 1973. Teil. 2. S. 560, 26—27.*

⁹ *Leone P. L. M. Π Φιλομαθῆς ἡ; ; ` περὶ; ` υ; βριστω; ~v di Nicephoro Gregoras // RSBN. 1971—1972. N. 5, 8, 9 (XVIII—XIX). P. 189. 62—69.*

¹⁰ *Hunger H. Der Ethikos des Theodoros Metochites // Ἑλληνικά: παράρτημα. 1957. T. 9. S. 149.*

¹¹ *Paparelli C. Ceritas, Humanitas, Divinitas: L'essenza umanistica del Rinascimento. Napoli, 1973.*